

статус, обозначить себя, все эти факторы свидетельствуют об элементах соревновательной деятельности в этикетных ситуациях, что позволяет говорить об этикете, как об игре соревновательной. Как в любой игре, так и в этикете присутствует атрибутика, которая может наполнять ситуации различными этикетными знаками и значениями или же напротив лишать ситуации этикетного смысла. Эти этикетные атрибуты помогают людям выстраивать отношения, становясь знаками, сигнализирующими об отношении их владельца к ситуации или адресату, и вытесняют вещь как таковую на задний план. Например, когда молодой человек дарит девушке нижее белье в качестве подарка в начале отношений, что совершенно неприято для малоознакомых людей, это может свидетельствовать о его желании к развитию дальнейших отношений, его смелости, дерзости, претензии на другую роль в этих отношениях. Как справедливо замечает А.К. Байбурин, «из категории вещей они превращаются в знаки определенных отношений» [1: 35].

Несмотря на стандартность, клишированность, предсказуемость, известность ситуативного сценария этикетных ситуаций общения, участники общения вносят новые, творческие элементы, и один и тот же сюжет может иметь различные сюжетные схемы, кульминацию и развязку. Список характеристик объединяющим этикет с игрой и свидетельствующих о наличии в этикете как строгого, серьезного так и игрового начала можно продолжить. Как справедливо утверждает В.И. Карасик «нормы современного общества массовой культуры обусловлены сведением ценностей культуры к универсальному всеобщему эквиваленту, стандартизацией самовыражения личности, демократизацией общения, упрощением системы коммуникативных стилей, увеличением развлекательно-игрового начала в общении» [2: 132]. Этикетное общение не есть тому исключение. Игровое переориентирование этикетных норм, когда остается только форма, а содержание носит двойной характер, демонстрация навыков изысканного поведения за которым стоит лишь формализация, а раскрытие сути часто противоречит правилам этикета есть не что иное, нежели пародия этикетного общения, которая кажется абсурдной для нормального человека. Грань игры в этикетной ситуации настолько тонкая, что существует вероятность попасть в смысловую ловушку, соскользнуть в антиэтикет. Поэтому игра, важно

не заиграться и не перегнуть палку, оставив лишь форму этикетного разговора и наполнив содержание грубыми колкостями.

Литература

1. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета// Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
2. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. М., 1999.
3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012.
4. Лихачева Л.С. Этикет как технология толерантности: теория, история, современность: Учебное пособие. Екатеринбург, 2008.

ФОРМАЛЬНОСТЬ В РЕЧИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА» КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Музимова И. А.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

В последнее время исследования социального варьирования речи представляют особый интерес для исследователей в области лингвокультурологии, в частности, при изучении того или иного социолекта (коллективного, или группового, языка, см., например, [1; 5] и др.). В рамках активно разрабатываемой в наши дни теории лингвокультурных типажей (термин В.И. Карасика) представляет интерес изучение социолектов лингвокультурных типажей — типизируемых личностей, существующих в коллективном сознании представителей той или иной лингвокультуры, выделяемых на основе ряда общих признаков в этнолингвокультурном аспекте и составляющих, наряду с другими видами концептов, культуру того или иного общества [7]. Лингвокультурный типаж изучается в различных контекстах его проявления, в том числе и в контексте его речевых характеристик.

Социолект высших классов заслуживает пристального внимания, поскольку именно этот общественный слой всегда ассоциировался с эталоном образованности и национальной культуры [2; 10]. Т.А. Ивушкина указывает, что формальность в речи англичан-аристократов, пришла в из французского языка, часто используемого в письменной речи и считающегося по сей день

индикатором высокого социального статуса и хорошего образования [4].

Приверженность официальному стилю является важной характеристикой речи Елизаветы Второй как реально существующего современного прототипной личности лингвокультурного типажа «британская королева» [9], присутствующего в коллективном языковом сознании многих носителей британской лингвокультуры.

The Queen always speaks very formally to whoever she is addressing (из ответа информанта) (см. [9]).

При изучении речи высшего класса викторианской Англии Т. А. Ивушкина, Д. В. Крюков, Ю. О. Квартовкина (см. [3, 4, 7, 8]) выделяют следующие наиболее частотные маркеры речи представителя высшего класса как элитарной языковой личности (термин В. И. Карасика) в Англии периода правления королевы Виктории: 1) богатство вертикального контекста в речи аристократии, самыми распространенными разновидностями которого выступают аллюзии и цитаты, 2) политическая лексика, 3) иностранная лексика (французские внесения и др.), 4) абстрактная лексика, 5) религиозная лексика, 6) переоценка и недооценка при употреблении прилагательных и наречий.

Как показал анализ языкового материала, данные маркеры социального статуса характеризуют и современный этнокультурный типаж «британская королева», они проявляются в речи британской королевы и могут быть объединены (за исключением недооценки и переоценки и употребления религиозной лексики) под зонтичным термином «формальность речи».

Отметим, что изучение речевых характеристик королевы Елизаветы Второй осложняется наличием недостаточного количества аутентичного материала для анализа (королева не пишет писем, не даёт интервью, не ведёт дневников и т. п.), единственным источником анализа могут стать публичные речи королевы и её рождественские речи, но они лишь с определёнными оговорками могут быть рассмотрены как собственно речь королевы, так как не несут чётко выраженных индивидуальных характеристик речи английской монархини. В этой ситуации в качестве материала для анализа лингвокультурного типажа «британская королева» мы можем воспользоваться, помимо исследования идеофрагментов публичных выступлений королевы, такими мето-

дами изучения коллективного языкового сознания как анализ лингвистических произведений и интервьюирование британских информантов.

В данной статье рассматриваются некоторые из привнесённых маркеров формальности в речи лингвокультурного типажа «британская королева», обнаруженных нами при анализе материалов за 2000–2017 гг.

В речи правящей британской королевы периодически проявляется вертикальный контекст. Например, в традиционном рождественском обращении к согражданам в 1992 г. королева произнесла следующую фразу:

1992 is not a year on which I shall look back with undiluted pleasure. In the words of one of my more sympathetic correspondents, it has turned out to be an Annus Horribilis (выделено мной - И.М.).

Королева употребила выражение “*annus horribilis*” (о прошедшем трудном для её семьи годе), представляющее собой сочетание латинского имени существительного “*annus*” (год) и английского прилагательного “*horrible*” с добавлением к нему латинского окончания “*is*” в шутовой коммуникативной тональности. При этом, употребляя подобный «неолатинизм», королева, сознательно или неосознанно, стремится соответствовать ролевым ожиданиям британцев, связанным с представлениями о монархе как о высокообразованном человеке. Латинский язык, пришедший в английскую культуру с христианством и являющийся на протяжении веков языком науки и образования, сохранил статус языка науки до сих пор — латинские слова и выражения являются индикатором учености говорящего [4].

Кроме того, назвав 1992 год «годом ужасов» (“*annus horribilis*” — a year of disaster or misfortune [OED]), королева, по всей видимости, прибегла к аллюзии на события, описанные в поэме Джона Драйдена “*Annus Mirabilis*” («Год чудес» (1666). Несмотря на восторженное название, Драйден посвятил эту поэму трагическим событиям 1666 года в Лондоне («Великий лондонский пожар», чума), воспев его как время избавления от бедствий благодаря Божественному вмешательству (при этом первая часть поэмы посвящена героическим сражениям английского флота в войне с Голландией). Такая аллюзия вполне оправдана — тема «Великого лондонского пожара» в поэме “*Annus Mirabilis*” ассоциируется с пожаром в Виндзорском замке 1992 года. В бри-

Итак, нами были выявлены такие маркеры формальности в речи современного лингвокультурного типажа «британская королева» как вертикальный контекст (употребление аллюзий), склонность к использованию латинизмов, местоимения "one", в речи сокращенные форм, присущих разговорной речи.

Подводя итог, отметим, что дальнейшее изучение маркеров речевого поведения лингвокультурного типажа «британская королева», с одной стороны, вносит определённый вклад в разработку теории лингвокультурных типажей, в развитие лингвокультурологии и социолингвистики, с другой, имеет практическую значимость, так как позволяет создавать более реалистичные художественные образы британских королей в литературе и кинематографе.

Литература

1. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
2. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. Волгоград: Перемена, 1997.
3. Ивушкина Т.А., Власова Е. В. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект. Монография. Волгоград: гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2005. 148 с.
4. Ивушкина Т.А. Лингвокультурный типаж «английский аристократ» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 62–74.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: гос. пед. ун-т, 1992. 330 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
7. Кwartовкина Ю.О. Речь английских и русских аристократов в произведениях художественной литературы XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
8. Крюков Д.В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии викторианской эпохи: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
9. Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
10. Соловьева Ю.О. Отражение индексов социального статуса в речи высших классов России и Англии XIX века // Вестник Моск. гос. академии делового администрирования. Серия: философские, социальные и естественные науки. 2010. № 3. С. 127–132.

танских СМИ отмечается ещё одна возможная аллюзия королевы — на слова монарха (короля Карла Второго), оплакивающего беды, постигшие Лондон: "Not with an idle care did he behold; / (Subjects may grieve, but monarchs must redress) / He cheers the fearful and commends the bold, / And make despairers hope for good success" [с. 197]. Как видим, здесь прослеживается сходство речевых структур *'not to look back with undiluted pleasure'* и *'not to behold with an idle care'*. Иными словами, в период всеобщей скорби монарх не имеет права падать духом, его задача — поддерживать своих подданных, вселяя в них надежду на лучшее будущее. Возможно, именно этим руководствовалась королева, используя довольно забавный каламбур для описания серьёзных, трагических для её семьи событий 1992 года. Кроме того, стремление к использованию латинских суффиксов, пусть даже в ироничной форме, является важным маркером формальности в речи исследуемого типажа.

На лексическом уровне речь королевы характеризуется достаточно частым повтором вводной конструкции "I say" и местоимения "one" вместо традиционного «королевского» *we* в значении «я», что в контексте общения королевы с подданными определяет более формальный тип отношений между адресантом и адресатом. Местоимение "one", являющееся одним из способов выражения категории персональности в английском языке, приобрело в современном английском языке выраженное оценочно-статусное значение в связи с тем, что активно употребляется королевой Елизаветой Второй вместо личного местоимения "I" в неофициальной обстановке (как известно, королева Виктория употребляла вместо "I" местоимение "we"). Иногда британцы в шуточной форме обыгрывают эту особенность речи монархини: *People do impressions of her voice a lot, usually by starting a sentence with "My husband and I..." in a very upper class voice or by using "one" instead of "I" ("one would like to know whether one will be expected to do one's own washing")* (из ответа информанта).

Анализ видеофрагментов публичных выступлений королевы с 2000 по 2017 гг. (выступления в парламенте, рождественские речи) показывает, что Елизавета Вторая практически не употребляет в речи сокращенные формы, присущие разговорной речи, что приближает её речь к письменной и является ещё одним маркером формальности в речи лингвокультурного типажа «британская королева».

ББК 74.580 + 81.0

А 12

Научный редактор -

доктор педагогических наук, профессор Л.А. Милованова

Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции / под ред. Л.А. Миловановой. Волгоград: Принтера-Дизайн, 2017. - 340 с.

ISBN 978-5-9500874-1-7

В предлагаемых читателю материалах VII Международной научно-практической конференции представлены статьи, в которых обсуждаются актуальные вопросы лингводидактики (вопросы методики преподавания иностранных языков и формирования личности, готовой к успешному ведению межкультурной коммуникации) и лингвистики (вопросы лингвотуриологии, коммуникативистики, теории дискурса, социолингвистики и прагмалингвистики).

Адресуется преподавателям иностранных языков, аспирантам, магистрантам и студентам.

ББК 74.580

Статьи печатаются в авторской редакции.

© Сост. и общ. ред. Л.А. Милованова 2017.

© Коллектив авторов, 2017

ISBN 978-5-9500874-1-7

Актуальные проблемы современной лингводидактики

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЭССЕИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Адельшина Н. А.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград

Овладение письменной речью на иностранном языке – сложный процесс, поэтому разработка качественной методики обучения эссе на иностранном языке представляется важной и сложной задачей. Разработкой образовательных технологий обучения иностранному языку занимается лингводидактика – термин, введенный Н.М. Шанским [14] для обозначения теории и методики изучения родного и иностранных языков, и подчеркивающий ориентацию науки на лингвистические, психологические и дидактические исследования в неразрывном единстве. Закономерности процесса овладения письменной речью исследованы в работах многих ученых. Различные модели условий формирования механизма речепорождения, а с другой стороны, как образ определения структуры и компонентного состава эссеистической деятельности [11, с.708].

Деление действий, входящих в состав эссеистической деятельности на структурные и содержательные, отражают участие разных типов мышления и видов обобщения в их формировании, в том числе и процесса запуска и функционирования механизма речепорождения. Структурные действия – это общие для выполнения эссе действия, которыми учащиеся овладевают как обязательным к использованию в процессе эссеистической деятельности. Содержательные действия в свою очередь "отвечают" за логико-смысловое и грамматическое наполнение компонентов создаваемого текста, или его речевое воплощение, если под речью понимать способ формирования и формулирования мысли [7, с.25].

Операциональный, или навыковый, состав эссеистической деятельности связан с опытом овладения иностранным языком (ИЯ). Опыт использования ИЯ складывается на основе эмпирического и формально-логического типов мышления и соответству-